

В. М.
ШУЛЯТИКОВ

Владимир Михайлович Шулятиков
Из теории и практики классовой
борьбы: Происхождение командующих
классов. Основы их идеологии.
Вопрос об интеллигенции.

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663985

Аннотация

«Явные и тайные, сознательные и бессознательные сторонники буржуазного строя повторяют на все лады давно сложенный ими миф о великом *уравнителе* всего человечества, подателе *всех* благ, *самодовлеющем* труде. – Весь смысл человеческой жизни, согласно их заявлениям, в труде. Перед трудом все одинаковы... Интересы, вдохновляющие создателей и распространителей этого мифа... слишком прозрачны: слишком наивным софизмом думают представители командующих классов затемнить классовое сознание той общественной группы, которая является предметом их эксплуататорских подвигов. ...»

Содержание

I	6
II	9
III	13
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Шулятиков

Из теории и практики классовой борьбы

Происхождение командующих классов. Основы их идеологии.

Вопрос об интеллигенции

Явные и тайные, сознательные и бессознательные сторонники буржуазного строя повторяют на все лады давно сложенный ими миф о великом *уравнителе* всего человечества, подателе *всех* благ, *самодовлеющем* труде. – Весь смысл человеческой жизни, согласно их заявлениям, в труде. Перед трудом все одинаковы: нет перед ним «варвара и скифа, раба и свободного», имущего и неимущего, нет сословий и классов. Перед трудящимся открыты все пути: «Трудись... хочешь быть моряком – море пространно; хочешь быть земледельцем – поля широки».

Интересы, вдохновляющие создателей и распространителей этого мифа о «пространных морях и широких полях», слишком прозрачны: слишком наивным софизмом думают представители командующих классов затемнить классовое сознание той общественной группы, которая является предметом их эксплуататорских подвигов. Тем не менее, миф отличается необыкновенной живучестью. Он пользуется большим кредитом даже среди пасынков буржуазии, среди тех, кто стоит на рубеже полупролетарского существования. Одинаковым удельным весом обладают – гласит новейшая мелкобуржуазная редакция этого мифа – «трудовое» крестьянство, «трудовая» интеллигенция, пролетариат: названные общественные единицы совершенно в одинаковой мере являются строителями «новой жизни», перед ними лежит одна общая дорога...

Буржуазная идеология всех оттенков старается исказить истинный смысл общественных отношений, старается отвлечь внимание от главного рычага истории – от борьбы за *орудия, за средства производства*.

На самом деле, что такое труд? трата мускульной или умственной рабочей энергии? *и только*? Нет, в том то и дело, что *не* только. Трудиться значит расходовать свою рабочую энергию, употребляя известные орудия производства. Вне применения последних *нет* для человека труда. Короче, трудиться значит пользоваться этими орудиями. А раз так, раз в понятие трудового процесса неотъемлемым составным элементом входит понятие пользования орудиями производства, тот «самодовлеющий труд» – чудовищная нелепость.

Человек, лишенный орудий, средств производства, *самостоятельно* работать не может. На «пространных морях, на широких полях» «самодовлеющий» рабочий – труп.

И этому-то трупу буржуазия, от ее высших слоев до низших, приписывает жизнь! Собственники как грандиозных, так и самых миниатюрных, как самых сложных, так и самых простых средств производства ревниво оберегают от посторонних взоров тайну своего существования, тщательно стараются замаскировать ключ своей позиции... напрасные старания! Тайна буржуазного существования давно раскрыта. Выступивший против буржуазных твердынь неприятель начертал на своем знамени «борьба за средства производства».

Путеводная нить пролетарской критики дана. Требуется раскрытие различных деталей буржуазной позиции. Требуется осветить, строго руководствуясь указанною нитью, многие моменты истории господствующих классов, еще не достаточно освещенные.

Одним из таких моментов является момент их образования и выступления на исторической сцене. Цель настоящей статьи внести посильную лепту в разработку данного вопроса... Должны оговориться, что мы намерены дать лишь самую общую схему, наме-

тить в самых общих чертах этапы того процесса, который подарил человеческому обществу «племя избранных» – носителей власти и могущества.

Итак, обратимся к первым главам истории культуры.

I

Чем определяется характер социально-экономического строя первобытных обществ, где необходимо искать корней первобытного коммунизма?

Зависимость между формами первобытного общества и первобытными орудиями производства давно обратили на себя внимание исследователей культуры. Но в большинстве случаев, эта зависимость подчеркивалась не с надлежащей ясностью. Орудиям производства придавали, в большинстве случаев, правда, громадное, но не *решающее* значение: их не выделяли из ряда других экономических факторов.

На самом деле, все здание первобытного общества покоится на фундаменте примитивной техники – примитивных, малосовершенных орудий, средств производства.

Возьмем общину низших охотничьих племен. «Так как их страна бедна *и их орудия грубы*, то их способы существования не позволяют им вести оседлой жизни» – (читаем мы, напр., у Эр. Гроссе.¹ Даже небольшая орда, которая захотела бы утвердиться где-нибудь, скоро истощила бы окрестную местность и подверглась бы голодной смерти... Слабость и непостоянство первобытных групп, являющиеся непосредственным и неизбежным результатом их способа существования, препятствует всякому дальнейшему развитию их промышленной деятельности... Каждый мужчина и каждая женщина должны исполнять все те разнообразные работы, которые относятся к их полу. Здесь нет ни особых ремесленных классов, ни охотничьего, ни военного сословия... Люди не делают и не владеют ничем, кроме необходимого... Индивидуальная собственность здесь весьма ничтожна. Так как не существует никаких коренных различий в имущественном положении, то отсутствует и главный источник происхождения сословных различий. В общем все взрослые мужчины в племени равноправны между собою».

Или общество низших земледельческих племен: тот же Гроссе связывает их коллективное хозяйство с их «грубыми» орудиями. «Один человек со своими *грубыми инструментами*, в крайнем случае, мог бы добыть из девственной почвы только самое необходимое, группа же имеет возможность легко расчистить под пашню, возделывать и убрать такой участок земли, который доставит всем ее членам обильные средства существования.»

Гроссе до конца не договаривает. Бедной природе он склонен приписывать не менее важную роль, чем орудиям производства, – роль могущественного фактора, направляющего течение истории человеческих обществ: природа *и* орудия поставлены у него в одной плоскости. Далее, из его книги отнюдь не видно, чтобы он был глубоко убежден в доминирующем значении орудий: иначе, на протяжении всей своей книги, он старался бы с прямолинейной последовательностью выводить эволюцию форм семьи из самых различных средств производства: этого он не делает. Но приведенные цитаты весьма ценны для нас: во всяком случае, в них Гроссе очень близко подходит к истине, дает верное указание на первооснову хозяйственного строя первобытных обществ.

Примитивные, грубые орудия спланивают первобытный род и общину, не позволяют последним дробиться и дифференцироваться. Примитивностью орудий объясняется отсутствие у первобытных народов института частной собственности.

Каждый член общины умеет приготовить незатейливые орудия и пользуется ими. Но подобное пользование вовсе не означает собственности в нашем смысле этого термина. Если, в силу каких-либо обстоятельств один член общины обратится к другому с просьбой ссудить его каким-либо орудием, и если сломает или потеряет ссуженное орудие, он не обязан вознаградить «потерпевшего». «Потерпевший», согласно представлениям первобытных

¹ Ст. 48 (курсив наш), 52, 53.

дикарей, в сущности, не является потерпевшим, не несет никакого материального убытка: орудие не принадлежит ему по праву неотъемлемой собственности. Или кто-нибудь находит «потерянные другим членом общины вещи и орудия: он спокойно может пользоваться ими. Их первоначальный обладатель решительно никаких претензий заявить не может.

Равным образом, не существует, в начале, права собственности на продукты производства. Добыча, в большинстве случаев, являющаяся плодом совместной работы, совместной охоты или рыбной ловли, потребляется сообща, на общих пирушках или же делится на равные части. Но когда орудия производства могут обеспечить отдельным лицам, при отдельных выступлениях, достаточную добычу, наблюдается новаторская тенденция: отдельные лица приобретают право по своему усмотрению распоряжаться добытыми средствами потребления или частью их. Чья стрела, чей нож, чей дротик нанесет животному смертельную рану, тому принадлежит добыча: такова формула первобытного права. «Если охотник гренландец убьет тюленя стрелой, но последний ускользнет от него и будет позже добыт другим, то зверь все же принадлежит первому, если его стрела находится в теле животного»². «Поднятие и преследование оленя не дает никакого права на это животное (у северо-американских индейцев), если другой индеец убьет его».³

При этом необходимо иметь в виду следующее. Quasi-собственником орудия производства считается тот, кто в *данный момент фактически им пользуется*. Если гренландец удит рыбу, а в это время к нему подойдет другой гренландец, подержит в своих руках удочку и поймает рыбу, – добыча будет принадлежать второму гренландцу⁴. Точно также обладатель орудия не может претендовать на добычу, если потеряет ее, вместе со своим орудием производства⁵.

Но пользование орудием производства сменяется частной собственностью: вышеуказанная новаторская тенденция находит себе законченное выражение. Об этом красноречиво свидетельствует, напр., следующий случай, рассказанный путешественником Баком⁶. Один чиппевей (племя северо-американских индейцев) целый день голодал, не имея добычи. Наконец ему посчастливилось убить зверя музу... из *чужого ружья*. И что же? несмотря на свой голод, он отдал добычу, «согласно охотничьему праву», без всяких рассуждений владельцу ружья.

Гренландская удочка и огнестрельное ружье, примитивно грубое орудие производства и усовершенствованное орудие производства: разница между ними – это разница двух эпох гражданского права, двух эпох имущественных отношений. Примитивные орудия, как выше было отмечено, обуславливают отрицание института частной собственности. Усовершенствованные орудия ставят нас лицом к «лицу с названным институтом. Это они создали его.

Пока каждый член общины умел изготовлять и изготовлял орудия и средства производства, пока последние отличались большою непрочностью, они не порождали борьбы из-за них, стремления владеть ими на правах неотъемлемого частного имущества; община не знала наследственного права. Но когда техника достигла больших успехов, когда стали обрабатывать более прочные материалы, – создались совершенно иные отношения.

В некоторых местах Швейцарии сельские общины держатся своеобразной регламентации строительного дела: запрещается ставить каменные дома⁷. Путем такой регламентации община борется против частной собственности на землю. Дело в том, что в данных

² Н. И. Зибер. «Очерки первобытной экономической культуры», стр. 176.

³ Ibidem, стр. 174.

⁴ Зибер. «Очерки», стр. 176.

⁵ Ibid. стр. 176.

⁶ Ibid, стр. 175.

⁷ См. Демор, Массар и Фандерфельде – «Регрессивная эволюция в биологии и социологии». Перевод с французского под ред. Д. Корончевского и В. Фаусека. – Стр. 89.

местах частная собственность на известный участок земли признается только до тех пор, пока на участке имеется дом. Дома нет – земля отходить в распоряжение общины. Поэтому поощряются менее долговечные постройки – деревянные. Камень оказывается противником коммунизма. Он создает наследственное имущественное право. Именно аналогичное значение имеют различные *орудия* производства, сделанные из «долговечного» материала. Они, так сказать, раскалывают некогда однородное первобытное общество на части, фиксируют вокруг себя отдельные небольшие группы лиц. Старинные сказания разных народов связывают первые крупнейшие катастрофы и перевороты человеческой истории с возникновением обработки *металлов*. Такова, например, греко-римская легенда о бронзовом и железном веках. Сказания эти отнюдь не являются плодом чистого поэтического измышления. «Несокрушимая» бронза и особенно «несокрушимое» железо, действительно, виновники коренной ломки первобытного общественного строя. Действительно «*amor sceleratus habendi*» («преступное любостяжание») – детище железного века. Действительно, металлы создали частную собственность на средства производства.

А собственность эту реализовали представители «господствующих» классов.

II

Господства первобытная община не знала. Она знала лишь начальников-*организаторов*. Организаторы-начальники в свое время были выдвинуты на поверхность жизни первобытной общины потребностями производства. Они явились тогда, когда трудовые процессы, до известной степени, дифференцировались, достигли известной сложности, когда назрела потребность координации общего хода работ в недрах общины. Обязанность распределения работ и управления ими были поручены специальным людям. В начале эти организаторы, помимо порученных им технических функций, ничем не выделялись из общей массы членов общины, выбирались общиной на определенный срок или для определенных предприятий. Но по мере усложнения техники, по мере того, как организаторские обязанности требовали все больших и больших профессиональных знаний, их профессия начинает приобретать характер чего-то такого, что заметно обособляет их от рядовой массы, ставит их «выше» последней. Обособление совершается последовательно. На первых порах, оно проявляется в том, что организатору достается лучшая доля при дележе полученной добычи. Лучший кусок мяса, лучшая пара дичи – таковы скромные призы дебютирующей власти. Лишь через продолжительный промежуток времени организаторы-начальники перерождаются в истинных представителей командующих классов и от их первоначальной неприхотливости не остаётся и следа.

Организаторские функции становятся наследственными. Образуется замкнутая каста привилегированных, не помнящая о своем происхождении и заявляющая о своих исключительных, абсолютных правах на богатство и власть. Подобная метаморфоза, подобное перерождение организаторов объясняется отношением последних к орудиям и средствам производства. А отношение это сводилось к следующему. В круг организаторских полномочий входило не только распределение работ между отдельными группами лиц, не только командование во время общей охоты, общей рыбной ловли, общих строительных работ и распределение добываемых продуктов, но и *надзор* за орудиями производства, контроль и даже регламентация их техники. С течением времени в отдельных общинах накапливался запас известных орудий, которые предназначались для общего пользования (напр., большие рыболовные сети, лодки, оружие). Непосредственное распоряжение этими орудиями принадлежало начальникам. И вообще, необходимо иметь в виду, что настоящей частной собственности на орудия производства (как мы отмечали выше) не существовало: скорее, согласно первобытным воззрениям, община предоставляла отдельным ее членам *пользоваться* теми или другими орудиями⁸.

Перечисленные условия послужили, как оказалось впоследствии, благодарной почвой для успешных действий организаторов, поведших кампанию против опекаемого ими первобытного коммунизма. От полномочий распоряжаться орудиями до захвата последних переход оказался не слишком трудным. Продолжительное исправление организаторами их функций шаг за шагом внедряло мысль о неизменности разбиения общества на две части, стирало воспоминание о былом равенстве, шаг за шагом слагалось представление о каких-то *особенных* правах организаторов, правах на то, чем они распоряжались. С другой стороны прочно держались традиции коммунизма: рядовой член общины считал себя по-прежнему атомом целого, работал согласно указаниям общины, при помощи тех средств техники, какие закончила община; общине принадлежали продукты его производства. От общины он получал

⁸ См. цит. работу Н. Зиберга. Типичный образец коллективного владения орудиями производства дает, напр., родовая община африканцев кабиллов: «Родовая община доставляет каждому из своих членов орудия для работы, оружие и капитал для торговых предприятий или для занятия ремеслом, если кто захочет ему посвятить себя». (См. книгу Гроссе, стр. 219).

средства потребления. Но понятие о верховной воле общины и понятие о функциях организаторов постепенно начинали сливаться. И в тот момент, когда организаторы окончательно «переродились», когда окончательно средства производства отошли к ним, со стороны массы рядовых общинников не последовало энергичного сопротивления. Социальный переворот совершился без социальной бури. Гений старого коммунизма помог вырыть самому себе могилу. Отдавая отныне свой труд и плоды своего труда организаторам, члены общины продолжали верить, что делают это во имя интересов общины.

Между тем, произведенная организаторами революция была произведена ими в критическую для них минуту.

Когда в области техники имеет место крупный прогресс, существующие организаторы перестают должным образом отвечать потребностям производства. Организатор должен немедленно перестроить свою психику, обогатиться новыми познаниями, новыми привычками, новой сноровкой. Подобные ломки психики⁹ вообще всегда затруднительны для организатора, а в частности особенно затруднительны для организатора первобытных времен, когда медленно развивающийся технический прогресс обуславливал собою медленную эволюцию организаторских способностей, крайнюю косность организаторской психики. Появление орудий из прочного «долговечного» материала (металла), орудий более усовершенствованных, более сложных было в истории первобытного общества очень крупной технической революцией. И эта революция, имевшая своим следствием громадное повышение производительности труда, давшая в распоряжение общины излишек продуктов, ставила организаторов в затруднительное положение. Она грозила ликвидацией их полномочий. Грозила низвести их в разряд обыкновенных смертных. И вот тогда инстинкт самосохранения, желание обеспечить себе ускользавшие привилегии толкнули организаторов на путь решительных действий. Не будучи в состоянии удержаться на своей позиции при помощи своих организаторских способностей, отныне обесцененных, они попытались сохранить свои места, прибегнув к захвату. Пусть больше они не могут удовлетворять потребностям общественного производства, все равно, они не отказываются от того, чем до сих пор распоряжались: и впредь будут всем распоряжаться и даже еще как распоряжаться! Теперь они будут действовать на основании права *частной собственности*.

Таковы социологические предпосылки того явления, которое называется насилием и захватом. Это не есть нечто совершенно произвольное, не есть акт какой-то иррационально действующей, индивидуальной воли, не поддающейся никакому научному учету. Именно всегда так рисуют дело представители официально-философского толкования истории: в такой-то момент, там-то – поясняют они – проявилась злая воля таких-то отдельных лиц или отдельных групп лиц, сии отдельные лица или отдельные группы единственно повинны в совершенном насилии. Но оценить данное явление, как нечто органическое, связанное необходимо с развитием определенного *класса* – этого сделать филистеры-историки не могут: это представляется им ужасной ересью. Еще бы, они ведь патентованные защитники господствующих классов; они не могут выйти из шкуры своего класса и раскрывать *тайны* его существования.

Вернемся к нашим организаторам. Видя пред собою призрак неминуемой отставки, они обратились к средству, наносившему смертельный удар первобытному строю, средству ультрареволюционному, но оказавшемуся для них далеко не рискованным. Создалось замечательное положение. Технические изобретения содействовали материальному прогрессу общины, дарили ей излишек продуктов, обуславливали возможность более счастливых времен, возможность большего благоденствия и процветания рядовой массы: и что же? Именно

⁹ Консерватизм психики организатора, протест последнего ко всякого рода новшествам освещен в интересной статье тов. А. А. Богданова «Авторитарное мышление» (сб. «Из психологии общества», стр. 105).

тогда старо-коммунистические устои шатались и разрушались. Именно тогда организаторы совершали свои наступательные шаги по пути захвата, именно тогда выковывалась частная собственность. Появление господствующих классов знаменовало собою вопиющее противоречие, первое по времени в летописях истории¹⁰.

Секрет успеха революционного акта организаторов выше указан. Организаторы опирались на могущественную тенденцию, обозначившуюся тогда в экономической жизни первобытного общества: это – тенденция распада первоначально неделимого социального тела на части, тенденция, рожденная применением более совершенных, прочных, долговечных орудий производства. – Названные орудия, повторяем, фиксируя вокруг себя обособленные группы лиц, обуславливали происхождение частной собственности. Все то, что должно было составить предмет частной собственности, находилось в распоряжении, под надзором и контролем организаторов. Ясно, что именно им, а не отдельным личностям, принадлежащим к рядовой массе, легко было совершить переворот, наложить «табу» на общинную собственность. Средства производства, выражаясь вульгарным языком, так сказать, сами давались им в руки. Но некоторое время организаторы все же их не брали. Для того, чтобы наступил решающий момент, требовалось известное условие. Технические нововведения не сразу производят революцию в экономической и общественной жизни. Старая техника с большим упорством – и особенно это верно относительно техники первобытных периодов культуры – отстаивает свои права на существование. Пока новые орудия не одержали несомненной победы над старыми, пока они не получили всеобщего признания и распространения, до тех пор *организация* производства в общине сохраняется прежняя или, подвергается реформам, то во всяком случае незначительным, частным. Организаторы прежнего типа остаются на своих местах: Их организаторские способности не вступают в явное противоречие с общественно-экономическим идеалом, исповедуемым большинством членов данной социальной единицы. Победа новых орудий меняет картину. Признается необходимость переустройства организации производственной деятельности. Но только тогда прежние организаторы должны или удалиться в отставку или прибегнуть к «чрезвычайным мерам».

Первобытные организаторы предпочли второе. Этим они преуказали путь, по которому впоследствии шли и продолжают организаторы всех стран и народов. Но дебют последних на данном пути далеко не блестящ. А в новейшие времена «чрезвычайные» меры ведут как известно, лишь к чрезвычайным зловключениям организаторов. Организаторам противостоит сильная «позиция разных общественных групп. Принятие чрезвычайных мер говорит об остром кризисе классовой борьбы. Первобытные организаторы сколько-нибудь серьезной оппозиции перед собой не имели. Почва первобытного коммунизма, повторяем, не благоприятствует появлению подобной оппозиции. До какой степени первобытный коммунизм малоспособен к сопротивлению, мы можем судить по живым примерам: там, где до сих пор сохранились его остатки, напр., в виде общинного деревенского строя, мы всюду видим царство косности и патриархально-покорного консерватизма. Лишенная того, что

¹⁰ Подобного рода историческими противоречиями богата, напр., эпоха конца средних веков, эпоха так назыв. первоначального капиталистического накопления. Технические изобретения той эпохи лишили «права на существование» массу феодалов-организаторов: они также прибегли к захватам, притом захватам самых грандиозных размеров (захват крестьянских полей под пастбища для овец; таковы зачатки шерстяной промышленности). – Или, насилие, выразившееся в усилении крепостного права: это насилие обязано своим происхождением именно тому обстоятельству, что технический прогресс обесценил организаторские способности феодалов старо-«патриархального» типа. Тот факт, что первыми представителями частной собственности явились организаторы-вожди, отмечается, напр., Н. Зибером; но надлежащего объяснения этого факта Зибер не дает. Ему представляется дело так, как будто организатора в процессе присвоения» помогла именно – чтобы вы думали? Их работоспособность, отличавшая их от рядовой массы первобытных дикарей. «Так как у первобытных народов и наиболее сильные и ловкие работники обыкновенно избираются в вожди, то не удивительно, что первая частная собственность – одежда, оружие и пр. образуется у этих последних». (Ор. cit., стр. 174).

составляло жизнь первобытного общества, – вполне *автономной* коммунистической организации производства, давно подчиненная во всех отношениях организаторской власти, стоящей вне ее, давно обладающая *лишь фиктивным* правом на то средство производства, которое, согласно обычному представлению, играло решающую роль в судьбах аграрного коммунизма, – на землю, – одним словом, пережившая самое себя сельская община продолжает существовать, *довольствуясь* фикцией коммунизма.

На фикции успокоились и первобытные общинники после того, как дни их коммунизма были сосчитаны, после того, как те или другие средства производства были объявлены неотъемлемой частной собственностью организаторов, после того как интересам прогрессирующего производства был нанесен тяжелый удар.

III

Отныне у кормила организации производства становились люди, не умевшие ею руководить, не отвечавших запросам новой системы экономической деятельности общества, обладавшие способностями и знаниями, характеризовавшими старую организаторскую психику. Носители старой психики и старых традиций, они, естественно являлись не стимулом, а тормозом производственного развития. Отныне это развитие должно было идти мимо них, должно было находить себе новых истинных организаторов, создавших новые организационные формы и новые организаторские центры.

Процесс создания последних, – процесс очень медленный и сложный, тянувшийся веками, в продолжение которых в первобытном и затем античном обществе накапливались технические изобретения, расчищавшие тернистый путь этого процесса. А тем временем прежние организаторы делали свое дело: старались новое вино влить в старые меха, новую экономическую жизнь приспособить к старым организационным рамкам.

В переводе на язык технических отношений сущность охарактеризованного положения вещей сводилась к следующему. Новая техника, новые орудия производства одержали несомненную победу над старой техникой и старыми орудиями, т. е. получили широкое применение. Они революционизировали экономический строй, дифференцировали однородные по своему составу «социальные тела. Но все же одержанную ими победу нельзя назвать безусловной: они не смели с лица земли окончательно всех остатков старой техники. Произведенная ими общественная экономическая дифференциация *общей массы* населения не шла слишком далеко: в недрах первобытной общины обозначились обособленные ячейки, сгруппированные вокруг известного имущества (средств производства), но ячейки эти сохранили все же между собою в некоторых отношениях экономическую связь (напр., земельная территория осталась общей собственностью целого ряда родов или племен).

По распространенному представлению, эволюция техники совершается по какому-то абсолютно прямолинейному пути, на котором нет ни одного сучка, ни одной задоринки. Происходит изобретение какого-нибудь орудия, значительно более усовершенствованного сравнительно с существующими, обещающего несомненные, большие выгоды; моментально его утилизируют, моментально оно вытесняет из обращения все другие орудия. Элемент борьбы, элемент сопротивления старых орудий и старой техники обыкновенно игнорируется.

На самом деле, это чрезвычайно важный элемент. Он на каждом шагу дает о себе знать и при современном капиталистическом хозяйстве, когда технический процесс достиг высокой степени развития, когда техническая мысль работает с лихорадочной быстротой и технические открытия безостановочно следуют одно за другими. И все же, во многих случаях, наиболее усовершенствованной машине, составляющей «последнее слово науки» приходится подолгу ждать, пока ей окажут предпочтение перед ее соперницами, пока ей она сделается вершительницей судеб промышленности: зачастую капиталисты считают для себя выгоднее орудовать с машинами старого образца, думая выиграть на интенсивной эксплуатации рабочих. Классический пример: в экономии капиталиста-агрия пашут, сеют и убивают жатву при помощи примитивных орудий; а в амбаре владельца экономии стоят без употребления новейшие сельскохозяйственные машины: они поставлены туда единственно с целью угрозы рабочим. Если последние осмелятся возроптать на слишком нищенскую оплату их труда, или слишком тяжелые условия работы, кулак-агрий обещается рассчитать немедленно непокорных и отворить двери амбара. Выгода, как вообще, понятие весьма и весьма растяжимое и ссылаться на нее надлежит с большею осмотрительностью.

Но раз, даже при индустриальном строе, старая техника без упорного сопротивления не уступает места новой, то легко себе представить, какой затяжной характер носила борьба этих двух противников в царстве первобытной культуры.

Употребление известных методов, известных средств производства определяет собою функционирование известных органов работающего, создает известные психические приспособления». При смене технической системы, эти приспособления некоторое время сохраняются, органы требуют работы в прежнем направлении. Чем дольше утилизировалась вытесненная техника, тем сильнее это требование, тем сильнее оппозиция новому способу производства, новым орудиям. Отмеченный закон применим далее к внешним формам вырабатываемых орудий. Там, где старая культура держалась особенно долго, за новым материалом особенно настойчиво закрепляются старые формы. Так, в странах, долгое время являвшихся ареной господства каменных орудий, топорам, сделанным из металла долгое время придется продолговато-клинообразная форма вытесненных каменных орудий, топоров. Где же, напротив, прежние средства производства держались сравнительно недолго, там антагонизм двух технических систем проявляется менее резко, там быстрее совершается переход к формам, свободным от рабского подражания старым, к формам, более отвечающим качествам нового металла. В таких странах, напр., металлические топоры быстро принимают более простую форму, близкую к той, какая дается им в настоящее время.

Прекращение функционирования прежних «психических приспособлений» воспринимается организмом, как потеря почвы под ногами, как проигрыш в борьбе за существование. Поэтому, понятно, какая сильная борьба должна была возгореться против разрушителей стольких «психических приспособлений», связанных с употреблением деревянных, костяных, каменных орудий, – против металлов. Борьба сопровождалась многочисленными перипетиями, иногда велась *aequo Marte*, иногда временный успех имела техника прежних культур. Как бы то ни было, металлы приобрели в первобытном обществе право гражданства. Но о полном вытеснении не могло быть и речи. Эти орудия господствовали в продолжение веков; в продолжение веков они определяли психику производителя. И если теперь производитель стал пользоваться металлическими орудиями, все же переживания прежней психики не могли не сохранить над ним некоторой власти. Конечно, тот *глубокий* консерватизм, который отличает первобытных организаторов, был чужд ему. Он, во всяком случае, оказался способным примениться к требованиям новой технической системы. Но вместе с тем уменьшать консервативных элементов его рабочей психики, его привязанности к старым рабочим процессам и старому укладу общественной жизни нельзя.

В его руках, правда, металлы оказались великой революционизирующей силой и неизмеримо подняли производительность труда. Но все же он извлек из них сравнительно небольшую долю той пользы, какую они могут принести: прогресс металлургической техники подвигался вперед действительно очень медленно. Соответственно этому, результаты происходившей дифференциации первобытной общины являлись не очень крупными. Единственно крупным результатом было обособление командующих центров; в среде рядовой массы разделение труда вылилось в слабые формы. Одним словом, техническая революция была бессильна оборвать многие связи с прошлым экономического процесса; прошлое продолжало жить и оказывать властное влияние на развитие вновь сложившихся производственных отношений.

При всем том революция принесла много нового. Так или иначе первобытному коммунизму нанесена была рана, оказавшаяся неизлечимой. На исторической сцене слагались новые силы: был разыгран пролог *классовой борьбы*.

IV

Поступательное движение обособившегося организаторского центра развивалось с большею последовательностью. Организаторы постепенно сдавали в архив прерогативы своего демократического прошлого, постепенно освобождали себя от своих обязанностей по отношению к общине и навязывали общине обязанности по отношению к себе.

Первое время с внешней стороны дело обстояло так, как будто никаких особенных перемен не произошло. Владея средствами производства, организаторы, тем не менее, не присваивали себе *всех* продуктов производства. По-прежнему они являлись распределителями последних. До сих пор, щедрость, раздача каких-либо продуктов без обязательства отдачи считается, великой добродетелью представителей «благородной касты»; это – не что иное, как отголосок первобытного коммунистического периода. Правда, отголосок этот передает в извращенном виде истинный смысл старинных отношений: то, что в эпоху первобытного коммунизма считалось *обязательством*, современные господствующие классы обратили в добродетель, в акт автономной *доброй воли*.

Мало помалу и в первобытной общине раздача продуктов утрачивала свой обязательный характер¹¹, мало помалу сокращался круг лиц, среди которых организатор находил нужным производить эту раздачу. Первоначально продукты распространялись между всеми решительно членами общины (рода, клана); затем из общей массы выделяются лица, стоящие ближе других к организатору по происхождению или по организационным связям.

Дальнейший этап: управляется *безвозмездная* раздача. «Организатор» впервые появляется без маски, впервые в категорической форме заявляет о «своих правах – правах безусловного собственника средств производства. Отныне твердо устанавливается принцип: тот, кто владеет на правах частной собственности средствами и орудиями производства, признается *собственником* и продуктов; а также: тот, кто получил от организатора в пользование (разумеется, временное) те или другие средства и орудия производства, обязан не только их вернуть по принадлежности (такого безусловного обязательства в прежние времена, как мы отмечали выше, не существовало), но и вознаградить организатора-собственника. Таким образом, считается отжившим свой век старое положение обычного права, согласно которому продукт принадлежит тому, кто пользуется тем или иным орудием в момент совершения трудового акта.

Создается нелепая, но имевшая в истории столь роковое значение, экономическая фикция, будто в орудиях и средствах производства скрыта какая-то чудодейственная сила, будто орудия средства помимо приложения к ним труда рабочего, сами по себе способны *производить*. Именно на подобном удивительном предположении обосновывается и право собственника орудия на продукты, производимые при помощи этого орудия.

Спрашивается, как подобное предположение могло сложиться, как могло оно приобрести столь великий кредит и пользоваться этим кредитом почти вплоть до наших дней?

Ответ подсказан нашим предыдущим изложением. Фикция права собственника орудия на продукт, выработанный при помощи этого орудия сложилась под влиянием известных организационно-производственных отношений: первобытной общины. Ход и порядок всех работ определялся организатором. Вырабатываемый членами общины продукт поступал в распоряжение организатора, который его распределял. Средства производства, в свою

¹¹ К сожалению, нам не приходится устанавливать точную хронологию различных моментов описываемой эволюции командующих классов, т. е. приурочивать каждый данный момент к определенному поступательному шагу *техники*. Материал, собранный исследователями первобытной культуры, почти никаких указаний на этот счет не дает. Единственно, что при современном состоянии науки можно «сделать», – это выяснить общий путь развития.

очередь находились в распоряжении организатора, (который, если требовалось, распределял и их). Общинники повторяли процесс отдачи продуктов в распоряжение организатора из поколения в поколение, иногда на протяжении веков. Таким путем выработалось определенное «психическое приспособление», – определенная привычка; выработался взгляд, согласно которому продукт не является плодом труда каждого отдельного работника, *а добывается и получается действием организующей воли*¹².

Далее, подобного рода действие организующей воли начинают приписывать орудиям и средствам производства.

Происходит это вот каким образом. Организатор из поколения в поколение распоряжается орудиями. Помимо его указаний и контроля орудия не применяются к делу. Орудие лежит, как мертвый капитал, пока организатор не подаст соответствующего сигнала, не сделает приказания. Но если акт употребления орудия рядовой член общины никак не мог представить себе вне вмешательства организатора, если, так сказать, за орудием, в его представлении, всегда стояла личность организатора, то, естественно, с течением времени мог сложиться своеобразный «анимистический»¹³ взгляд на орудия. Орудие начинают как бы одухотворять; в нем как бы кристаллизуется «личность» его владельца. Совершается процесс своеобразной «интроекции». Когда орудие берут у его владельца и употребляют для работы, то этот владелец *как бы* тоже принимает участие в работе. А участие организатора в работе обходится рядовому члену общины дороговато: И организатору отходит львиная доля продуктов¹⁴.

¹² Отголосок этого взгляда представляет, напр., вера греческого землепашца в промысел божества, посылающего урожай и богатство. Его божество – это верховный организатор производства; идея о божестве развилась из культа предков *организаторов*. Или воззрение разных народов, согласно которому всякая удача в предприятиях зависит от воли и милости богов.

¹³ Предания первобытных и малокультурных народов сохранили нам множество отголосков подобного воззрения. Орудия, принадлежащие легендарным организаторам, всегда оказываются наделенными чудодейственной силой. Когда Патрокл или Гектор облачаются в доспехи Ахилла, им сообщается сила и храбрость последнего. Герои народных сказок постоянно обладают какими-нибудь волшебными жезлами, лампочками, перстнями и проч. Эти предметы являются наследием, полученным ими, тем или иным путем, от каких-нибудь фантастических существ, олицетворяющих «организаторскую волю»: в этих предметах «почил дух» их первоначальных собственников; и означенный «дух действует, когда их новым собственникам необходимо совершить какой-либо подвиг.

¹⁴ Напр., Кук передает следующие любопытные факты: Один начальник на Таити, у которого было два гвоздя, получал от них довольно значительный доход, ссужая их своим соотечественникам для пробития отверстий во всех тех случаях, когда их собственные средства были недостаточны. «Старейшины каролинских островов также обогатились от отдачи в ссуду гвоздей.» И далее: «Если случайно иностранное судно оставляет у них на островах какие-нибудь старые куски железа, то они принадлежат по праву тамолам (старейшинам), которые заставляют делать из них по возможности лучшие орудия. Эти орудия составляют фонд, из которого тамол извлекает значительный доход, потому что он отдает их в ссуду, а ссуда оплачивается довольно дорого». (Цитиров. в изложении Н. Зиберы – *op. cit.* стр. 398; курсив наш). Приведенные данные, между прочим, весьма красноречиво подчеркивают роль металлических орудий в первобытном обществе, их дифференцирующее значение, отношение к ним организаторов (право собственности на них).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.